ДНЕВНИКИ АРТИЛЛЕРИСТА

ОСНОВАНО НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ

АЛЕКСАНДР КРАВЧЕНКО

Александр Кравченко
Дневники артиллериста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72240652
SelfPub; 2025

Аннотация

Эта книга погружает читателя в жестокий водоворот войны, раскрывая мужество и героизм простых солдат, вставших на защиту мира и свободы. Здесь история тех, кто рисковал жизнью ради общего блага, чьи имена порой остаются неизвестными, но чье бесстрашие навсегда останется примером мужественности и самоотверженности.

Через страницы книги читатель почувствует дыхание боя, силу духа, товарищество и любовь к Родине, переживая вместе с героями моменты отчаяния и радости победы. Эта история о стойкости человеческого характера перед лицом смерти.

Книга посвящена памяти солдат, защищавших мир во времена великих испытаний, показывая, на сколько хрупка человеческая жизнь, и каким драгоценным является мирное небо над головой.

Александр Кравченко
Дневники артиллериста

Часть мировой истории, которую никогда не напишут в учебниках. Мы жили, любили, сражались и погибали.

Глава I.

Это была зимняя ночь в полевом лагере, скрытом под тяжестью неба, в которое не могло заглянуть ни одно городское окно. Там, за тучами, таилась бескрайняя галерея звезд – красота, которую не встретить в шумных и ярких огнях больших городов. Но сегодня, перед учениями, небо не показывало своего звездного великолепия – оно сгущалось тучами, словно предвещая грядущие испытания.

Февраль 2022 года, мороз и сырость, холод и грязь – суровые спутники нашего боевого пути. В эти зимние будни, как и всегда в этот период, мы окунались в изучение военной науки, в очередных плановых учениях, где каждая минута выковывала из нас воинов, готовых к любым испытаниям. Тут, среди глины, и влажности— я медленно подходил к жилой палатке, когда навстречу вышел Диего.

«Холодновато сегодня, – сказал он, закуривая сигарету. – Не думал, что в феврале еще так проморозит.»

«Да, зима нас держит крепко, – ответил я, прикрываясь

курткой. – Но нам привыкать – завтра же зачет по огневой.»

Диего кивнул, бросая взгляд на небо, скрытое тучами. «Звезд не видно, а жаль. В такие моменты особенно чувствуешь себя далеко от дома.»

«Дом… – улыбнулся я в темноту. – Родные там, ждут. Это и держит на плаву.»

В этот момент из-под тента вышел Бугай, его тяжелая поступь отчетливо слышалась в сырой ночи.

«Что там за разговоры грустные? – спросил он, пытаясь поднять настроение. – Дождь прошел, пора сосредоточиться. Нужно доказать, что нам не просто так доверили это орудие.»

Максимус, молодой и энергичный, появился вслед за ним. «А я вообще не могу дождаться! – воскликнул он. – Помню в прошлом году, как в похожих условиях шли наш марш-бросок. Каждый хотел быть лучшим.»

«Вот именно, – сказал я, оглядывая товарищей. – Мы – команда, и ни один экипаж не останется позади.»

Бугай улыбнулся: «Так и есть. Вместе пройдем любой путь.»

Мы молча посмотрели друг на друга, разделяя общую решимость – несмотря ни на что, мы готовы были показать свой лучший результат.

В душе вдруг ожили воспоминания: 2014 год, первые шаги в армии – еще во время службы в десантно-штурмовом полку, «курс молодых». Все было непонятно и ново: Устав,

коллектив, занятия под дождем и снегом, прыжки с парашютом, стрельбища на учебных позициях. Тогда армия была частично контрактной, и взгляды призывников отличались от контрактников. Вспомнился марш-бросок в жару, каждый боялся быть последним. И вот спустя восемь лет, мы снова на зачете, преодолевая трудности, где ни один экипаж не хочет быть позади. Успешно сдав зачет, мы вернулись в жилую палатку, и после посещения банных процедур легли отдыхать. Мой сон унес меня в туманный рассвет, где политические интриги и идеологии привели к военной мобилизации. На границе, где царило братство, раздались выстрелы, и началась кровопролитная битва, в которой каждый сражался до последнего вздоха. Сон был призрачным, может, вещим, но тогда я не придавал ему значения.

Раннее утро. Я проснулся от звуков команды дневального, который резонировал в тишине жилой палатки. Солнце еще даже не начало подниматься, и я, встав с кровати взглянул на своих товарищей, которые также как и я, готовились к утреннему построению и завтраку. Ночью было холодно, и еще вчерашний дождь, пока мы спали, ночью перерос в снег. После еды мы вышли на учения, одетые в теплую одежду, где каждый шаг по снегу отдавался в ушах хрустом, а дыхание становилось более тяжелым.

Сидя в кабине самоходного орудия, я ощущал, как кровь бьется в висках, а каждый звук – от рычания двигателя до щелчков приборов – становится частью единого ритма. В

голове прокручивались слова командира и четкие команды экипажа, но мысли не могли не ускользать к дому, к тем, кто меня ждал. «Все зависит от нас, от нашего единства», – говорил я себе, пытаясь подавить небольшое волнение. Холод, сырость и усталость казались лишь вспомогательным фоном к одному важному – сделать все безупречно, и условно сохранить жизни товарищей и выполнить задачу. Сердце стучало ровно, но внутри – буря эмоций: гордость за товарищей, страх ошибки, надежда на успех и желание доказать, что выбранный путь – единственно правильный. Когда раздался выстрел и снаряд полетел в цель, я почувствовал, как напряжение слегка спадало, уступая место уверенности. Это был не просто опыт – это был каждый прожитый день, каждая тренировка, каждая мысль о Родине и семье. В эти мгновения я понимал: мы – не просто солдаты. Мы – броня друг друга, и именно поэтому можем противостоять всему.

К обеду мы завершили первый, самый важный этап учений, и солнце, словно устало и устремилось к горизонту, стало мягче освещать окрестности. Тепло растопило последний снег, и под ногами вновь появилась грязь – холодная, вязкая, словно отражение той переменчивой природы, в которой мы оказались. Возвращаясь в лагерь, я заметил – обстановка здесь изменилась. В воздухе затрепетала тревога, невидимая, как тень в темной комнате. Люди ходили по территории, словно пытаясь найти ответ в своем внутреннем мире, и никто не мог точно сказать, что произошло. Внут-

ри каждого звучала одна лишь волна неопределенности – словно все уже готовились к чему-то важному, к чему-то, что скрыто за мощным занавесом тайны. То ли к переезду в незнакомое место, где еще нужно освоиться, то ли к очередной опасной проверке, от которой зависит многое. Каждое лицо было скрыто за маской спокойствия, но глаза – словно разоруженные, напряженные и полные вопросов – рассказывали другое. Они хранили свои мысли глубоко внутри, за семью замками, чтобы не сорвать поставленные задачи, чтобы не выдать тревоги, которая могла бы заразить всю батарею. Вроде бы всё шло по привычной армейской тропе – обычные бытовые и служебные дела: распределение дежурств по охране периметра, контроль за техникой, работа на складах, подготовка к ночным патрулям. Все это было знакомым ритуалом, частью повседневной жизни. Но даже в них звучало ощущение непостижимой невидимой нити, связывающей нынешнюю спокойную рутину с чем-то неопределенно опасным. В этот день всё шло быстро, будто даже время, устав от многолетней рутины, захотело поскорее завершить очередной цикл. Когда человек занимается одним и тем же делом, особенно монотонным и требующим сосредоточенности, оно будто растворяется, превращаясь в быструю песню, где каждая нота – это минута, а вся пьеса – путешествие в никуда. И вот, когда солнце клонилось за горизонт, с неба сливалась тёплая, тонкая заря, – в расположении громко прозвучали новые указания. Командир батареи собрал нас вме-

сте и сообщил коротко, но с особым смыслом: «Собирайте тревожный рюкзак». И в этот момент словно воцарилась тишина – в воздухе повисло ощущение серьёзности. Все смеркалось, а внутри каждого зародилось непроницаемое волнение. Неясное, без слов, – словно знание о чем-то грядущем, что должно случиться, но что скрыто за завесой секретности. Взгляды командиров и старших начальников становились чуть более напряженными, их лица чуть более суровыми, словно борясь с собой, чтобы не показать волнения. В их глазах можно было прочитать – они что-то знают, что нам пока неизвестно, что-то, что держат за семью печатями тайны. И только от нас зависит, насколько мы готовы к тому, что грядет.

На рассвете следующего дня, когда солнце только пробивалось сквозь туман, мы собрались вместе с Диего, Бугаем и Максимусом, чтобы подготовить орудие к предстоящему выезду. Работа шла быстро и слаженно – технику приводили в порядок, проверяли каждую деталь, чтобы ничего не подвело в самый ответственный момент. Когда всё было готово, мы направились в жилую палатку, где уже ждал старшина батареи. Там началась выдача вооружения: стрелкового оружия, боеприпасов, дымовых шашек, дымовых мин, гранат – всего, что могло понадобиться в бою. Мое наблюдение подсказало: тут все встало на свои места. Плановые учения вдруг превратились во что-то гораздо более серьезное – ощутимо командировало настроение, и стало ясно, что за

этими тренировками скрывается что-то важное, невидимое на первый взгляд.

Через несколько часов наши экипажи собрались для выполнения боевой задачи. Выступая с речью, командиры закрепили смысл: «Мужественно и отважно, невзирая ни на что… сохранить жизнь и выполнить долг – защиту Родины». В данный момент особое значение приобретала фраза: «Быть на охране границы с Украиной и в случае угрозы – сделать всё возможное, чтобы подавить врага». И тут я задумался – «Защитники Родины» … Интересно, что именно сегодня, 23 февраля – День защитника Отечества, – подумал я, – и этот день, как символ мужества и долга, стал для меня особенным. С тех пор я воспринимаю его не просто как праздник, навязанный школой или обществом, а как мой заслуженный профессиональный праздник, подтверждение моего пути – пути защитника.

Ужин прошел быстро и по-боевому – никакой долгой трапезы, времени не было даже сходить в магазин за сигаретами. В суматохе мы загрузили в орудие наши личные вещи, воду и сухие пайки на сутки – всё необходимое для выживания. Остальное – запасы, боеприпасы и более тяжелое снаряжение – разместили в запасной КамАЗ, где уже ждала техника старшины. За многолетнюю службу и пройдённые учения я вывел для себя важный урок: непроглядная непогода – не враг, а всего лишь часть испытания. И чем больше штормит, тем крепче становимся. Сегодня, когда снова моросит мел-

кий дождь – словно роса, которую почти ничего не чувствуешь, – я заметил, что одежда промокает настолько быстро, что даже не успеваешь останавливать процесс.

План перемещения колонны был назначен на поздний вечер. Мы дозаправились топливом, подготовились и зашагали в путь, прильнув к своим орудиям. Колонна выдвигалась тихо, ощутимо – в ночь, когда даже малейшие шорохи уже казались сигналами тревоги. В каждом движении и в каждой детали – скрытая решимость, будто мы идём на встречу неведомому, но неотвратимому вызову. И в этот момент я понял – настоящее испытание не только в боевых подступах, оно внутри каждого из нас. И чем больше мы сталкивались с непогодой и невзгодами, тем сильнее становилась надежда. А рассветы, как бы ни были далеки, становились нашим внутренним светом, который не дают погоды или обстоятельства. Мы шли вперед, зная, что в любой момент может настать черный день, но именно это – делает нас теми, кем мы есть, – защитниками и стойкими бойцами, готовыми встретить новую ночь, ведь каждая заря впереди – это новая надежда на победу и спокойствие для наших близких и Родины.

На границе между Крымом и Херсонской областью, в этот тревожный момент, я вспомнил как однажды, в одной из публикаций в социальной сети, увидел интервью Президента Российской Федерации Путина В. В. где он говорил что, если драка неизбежна – нужно бить первым. Это звучит для

кого то и грубо, но в их смысле – словно вызов судьбе и обстоятельствам. В тот момент я почувствовал, что исполняю свой долг – защиту Родины, и если вчера был Международный День защитника Отечества, то теперь я точно достоин. Ведь мы оказались в самой гуще событий, где неизбежность конфликта стала очевидной.

В дороге вокруг царила тишина, наполненная лишь шумом двигателя и холодом стали техники. Я пытался немного отдохнуть, чтобы набраться сил, ведь впереди – неизвестность и опасность. Внезапно я проснулся – словно что-то внутреннее сказало мне, что я больше не дома, что-то мешало мне дышать. Тогда я поднял люк и увидел ужасную картину: взорванная заправка, сгоревшие машины, тела, запекшаяся кровь и грязь на асфальте. Это было как дежавю кошмара – показалось, что я попал в пекло. Ночь здесь была жаркой, и все казалось намного серьезнее, чем я мог себе представить. Нужно было сохранять бдительность – эта битва обещала стать самой тяжелой.

Спустя некоторое время, на одном из поворотов, наша артиллерия вышла из строя: сцепление сгорело, и мы остались застрявшими в чужой стране, на перекрестке, где опасность могла поджидать на каждом шагу Колонна техники уехала дальше без нас, потому что у них была боевая задача, время и место…Мы остались одни, словно на грани столкновения с неизведанностью, понимая, что благодаря этому пути мы становимся частью чего-то большого.

Тот момент – словно метафора: мы вышли из строя, но не из битвы, и каждый наш шаг теперь – это испытание и вызов судьбе. И пусть впереди будет самый тяжелый путь, – я уверен, что именно такие тяжелые испытания делают из нас настоящих защитников, стойких и непреклонных. Ведь даже разбитый механизм, если его починить и продолжить путь, способен стать символом той невидимой силы, что ведет нас к победе, – за Родину, за тех, кто нам верит, и за тех, кто уже в прошлом.

Мы приняли решение действовать согласно ситуации, оценивая окружающую обстановку по мере необходимости. Перед началом всех действий мы решили сделать короткий перерыв – поесть и набраться сил. Разделились на две небольшие группы: две человека держали круговой периметр, внимательно следили за каждым движением вокруг, на случай неожиданных развязок, а двое – устроили небольшой отдых, чтобы восстановить энергию. После этого, сменяя друг друга, мы продолжили наблюдение и подготовку.

Не прошло и нескольких часов, как встал вопрос о важной задаче – реанимировать технику, чтобы перегнать её в более скрытное место в кустах, где она могла бы безопасно пережидать опасные часы. И тут, словно из ничего, на последней кульминационной дуге, случилось чудо: Диего, словно герой из фильма, на последний слабый вздох электрической системы, сумел оживить сцепление – пусть и на миг. Это было будто маленькое чудо, ведь в условиях полной поломки си-

лового блока, он сумел отогнать орудие, грубо и с силой, в укромное место, чтобы оно не было обнаружено. Однако, настоящее чудо оказалось лишь временным – сцепление, словно уставшее, сгорело полностью, оставив технику в полной неподвижности.

Погода к обеду немного улучшилась, хотя мороз всё равно кусался до костей. Однако хоть не было снега или сильных осадков – сухая погода давала нам хоть немного преимущества. Говорят, что в такой климатической суровости сухость – словно кислород надежды. Мокрая одежда и тело, не говоря уж о мокрых ночах, – только усугубили бы наши страдания. А так, сухой воздух и мороз создавали странную, почти церемониальную атмосферу: каждое дыхание превращалось в облачко, словно древний ритуал защиты. Стоя на месте, мы слушали окружающие звуки природы – шелест ветра, тихий треск снега, иногда вдалеке взрывы или выстрелы, которые создали мрачную симфонию для наших ушей. В этом тихом хаосе, словно в кино, начали медленно приближаться люди – местные жители из далекого села на границе Украины, люди, для которых эта ситуация стала ошеломляющей новостью.

Они шли осторожно, с недоверием, с тревогой в глазах. Преимущественно мужчины – крепкие, с седыми, давно не подстриженными щетинами, в старых спортивных брюках, которые, наверняка, носили по нескольку сезонов подряд. Брюки, видно, изношены до дыр, изгрызены временем и постоянной ноской. Галоши, которые одевались, как у древних

– с потертостями и трещинами, шлепали по мокрому снегу при каждом шаге. Вязаные свитеры, выглядевшие как семейная реликвия, невидимы в рамках сбывшейся эпохи – такими они выглядели словно отпечатки ушедших времен и поколений. Верхняя одежда – кожаная куртка, неопрятная, с потертостями, проржавевшими дырками – сказала о несгибаемой стойкости их владельца. Куртка, кажется, носилась с конца 90-х – о чем говорили изношенные швы и погнутые пуговицы. В целом, внешний вид мужчин говорил о тяжелой жизни: зубы в гнили, взгляды – одновременный вызов и усталость, дерзкий говор, словно они пытались показать, что несмотря на всё это, они всё равно есть, их не сломили ни морозы, ни трудности.

Встреча с такими людьми – это всегда тонкая игра баланса. Мы решили, что будем проявлять доброжелательность и вежливость, пока не увидим признаков угрозы. Изначально они были напуганы – стояли на расстоянии метра-два, чуть ли не опасаясь каждого нашего движения. Объясняя им свою ситуацию —, что мы, прежде всего, выполняем боевую задачу, – старались снизить тревогу, показывая, что наши интересы совпадают с их интересами выживания в этих условиях. В этот момент у меня создалось впечатление, что они, несмотря на внешнюю бедность и руины привычной жизни, были словно живыми памятниками стойкости. Их внешний вид – отражение всей этой суровой эпохи: рваная одежда, гниль в зубах, глаза – полные упрямства и битв за каждую

секунду жизни.

И как ни странно, несмотря на их внешнюю полное изношенность, в их голосах звучала непоколебимая решимость. Они пытались сказать что-то важное, что выходило за рамки слов – их дерзкий говор был попыткой попасть на уровень доверия, показать, что они ни в чем не сломлены, что даже перед лицом угрозы они остаются людьми, борющимися за свои семьи, свою землю и свою честь. И я понял, что весь этот разговор – не просто обмен словами, а проявление непоколебимой внутренней силы.

Так что, в этой истории есть не только тактические ходы, выживание и опасности, но и особое впечатление – что за грубой кожей, проржавевшими куртками и потрепанными лицами скрывается внутренний огонь. В каждом из этих людей есть искра несломленного духа, которая, несмотря на все испытания, продолжает гореть ярко. И именно эта живая энергия в их фигурах – самый важный урок для каждого из нас: в самой сложной ситуации остаются люди, способные держать на себе весь мир, потому что внутри у них есть что-то сильнее внешних трудностей.

Пока мы стояли на месте, в тесной тишине, обменивались взглядами, я заметил нечто странное у одного из местных мужчин. Его пальцы были украшены наколками – не просто рисунками или символами, а вполне конкретным набором – словно он перенял эти татуировки в заключении на зоне. Они были яркими и запоминающимися: словно клеймы или

суровые знаки, что заявляли о его прошлом или уровне, с которым он прошел через испытания. Он держал в руке, в кармане, старый кухонный нож – тот самый, который идет с домов на кухнях десятилетиями, истёртый в постоянной эксплуатации, гнущийся и точёный до блеска и остроты, словно филейный, идеально сбалансированный клинок. Этот нож, казалось, словно ждал своего часа, будто был частью его самого – всегда при нем, в кармане, в готовности к действию.

При виде этого я почувствовал, как по телу прошёл холод – словно предчувствие надвигающейся опасности. Мгновенно осознав, насколько ситуация опасна, я сглотнул и тут же сообщил об этом своим товарищам. В этот момент всё внутри меня словно зажглось тревогой. Я спросил у владельца ножа прямо – «Чей это нож?» – с легкой насторожкой, чтобы понять, насколько всё серьезно. И как будто в мгновение ока, розовые очки доверия, которые ещё недавно скрывали их опасения, были сброшены, уступив место реальности. В глазах у одного из них вспыхнула паника, а его взгляд стал полон страха – словно он вдруг понял, что держит в руках не просто нож, а оружие, способное нанести серьёзный вред. Мудрец, что держал нож, ответил спокойно, немного с упреками в голосе: «Это кухонный нож, взял с кухни – на крайний случай. Что тут такого? Мало ли кто вы такие – может, просто встряли, может, враги или просто люди, что по воле судьбы оказались рядом, – и неизвестно, что может случиться».

В этой ситуации стало ясно одно – нечего было спорить, все понимали смысл этой опасности. Он, скорее всего, просто хотел быть готовым к любой непредвиденной ситуации, ведь в тех условиях любой человек, оказавшийся в подобной обстановке, мог бы поступить так же – защитить себя и своих. В конце концов, мы все – люди, по сути, одинаковые, и в такой ситуации есть только два варианта: доверять или защищаться. Восприятие окружающего мира, страх и осторожность – всё это было очевидно, и не удивительно, что в такой обстановке никто из нас не мог быть полностью спокойным.

Когда всё выяснилось, мы выразили свои намерения – быть хорошими и вежливыми, пока не появится явная угроза. Мы говорили спокойным голосом, показывая, что мы здесь не враги – что мы русские солдаты, пришедшие не убивать, а выполнять свою работу. И ведь было понятно, что любопытство у них – неотъемлемая часть их жизни, их опасно было недооценивать или превращать во врагов без достаточных оснований. Их взгляды и поведение рассказывали больше, чем слова: это люди, которым пришлось столкнуться с чем-то необычным, опасным и совершенно непредсказуемым.

Один из них, почесав затылок, исчез в темноте и ответил с грубым, но спокойным голосом: «Ну что ж, мужики, всё вроде у вас – хоть налёг. Будем считать, что всё прошло. Берегите себя.»

Когда они ушли в темноту, я повернулся к товарищам и тихо сказал: «Нам ещё долго ждать, и ночь полна опасностей. Но это всё – лишь испытание. Важно помнить, что даже в такой ситуации важно оставаться человеком.»

– «Да, – вздохнул Максимус, – эта ночь точно запомнится навсегда».

Так в этой зловещей тишине, среди холода и ветра, мы держались друг за друга, понимая, что испытания только начинаются, а судьба ещё приготовила свои сюрпризы.

Мы вежливо попрощались и отошли, оставшись одни – каждый внутри испытывал смесь тревоги, отчаяния и, безусловно, непонимания. Тёмная ночь застала нас у края леса, вокруг бушевал ветер – свист, будто грива дикого зверя, и мороз, который словно морозильник задал дух – без тепла и уютной одежды не было шансов почувствовать хоть каплю покоя. Сон казался невозможным в такой обстановке, ведь каждую секунду приходилось прислушиваться к каждому шороху – вдруг где-то в кустах затаился враг.. Но, вообразив, что хоть что-то у нас есть – пусть и не очень тёплая палатка, – мы старательно менялись по парам, чтобы немного отдохнуть, хотя сладкого сна в такой ситуации не было и в помине. На короткие часы, пока сменяли друг друга, мы располагались в двух зонах – одна в палатке, другая чуть дальше, в кустах, чтобы обеспечивать постоянную охрану и защищать свою технику и оружие. И несмотря на всё это, мы понимали, что этот светлый остаток надежды и единства мо-

жет наше спасение – ведь именно в таких трудных условиях словно закаляется дух, и даже в самых безвыходных ситуациях появляется маленький просвет, означающий, что всё еще есть смысл бороться.

Ночью к нам подошёл молодой парень, лет двадцати шести – примерно моего возраста, со взглядом, полным усталости и неуловимой надежды. Он был одет в простую, поношенную одежду, видно было, что жизнь его не баловала: кожа чуть бледнее, глаза – немного потускневшие, руки – потрёпанные. Но голос его был ясный и твердый, когда он решил присоединиться к нашим полузабытым товарищам. Немного пообщавшись, он, казалось, почувствовал, что здесь – его место. И вдруг… просто исчез. Мы подумали, что он уходит или ищет что-то ещё по ночной тьме.

Однако, минут через тридцать, он появился снова – уже с несколькими кружками горячего чая, очень простого, но невероятно ценимого в ту морозную ночь. Леденящий холод, влажный ветер, пронзающий до костей, – всё казалось почти неважным, потому что сейчас это было настоящее чудо. Горячий аромат, пульсирующий в трубке кружки, – это было самым ценным, что мы могли получить. На ту ночь горячий чай стал для нас чем-то вроде нектара богов, спасения во мраке и ледяном бездорожье.

К тому моменту, как он подошёл, мы уже опасались. В наших условиях любой – чужой и мог принести нечто опасное. Мне пришлось первым спросить: «Эй, парень, спасибо,

что принес. Но скажи, а ты нас не отравить хочешь? Или, может, ты нам кого-то сюда подсыпал?» Он улыбнулся своей просторной, немного грустной улыбкой: «Нет, все в порядке. Просто не мог пройти мимо… Видел, как вы замерзли в эту морозную погоду и хотел хоть немного помочь вам согреться, да и пообщаться с кем-то».

Остальные присмотрелись к нему, и так, запивая глотками остуду, мы начали говорить о жизни – о мире, о тех, кто остался в наших странах, о несчастьях, политике, которая ныне стала чем-то вроде гнета в его стране, ядовитого тумана, нависающего над всем. Итоговая беседа вышла странной и потому особенной, ведь именно в такие моменты человек может найти что-то важное среди руин.

«Хотя, – зевнул один из товарищей, – это и был самый не вкусный чай, который я пил, невкусный и слякотный. Но сейчас… он словно нектар богов. Вкус, который не забудешь, когда на улице – холод и ветер».

Это была ночь полного безмолвия, холодная, словно сама степь сковала нас своей морозной хваткой. В жесткой стуже и грохоте ветра мы ждали рассвета, дежурили по очереди, с трудом вытягивая руки к огню и пытаясь согреться хотя бы немного. И, сколько бы не казалось, что ночью невозможно стать сильнее, мы все же почувствовали, будто усталость по чуть-чуть отступает, когда солнце стало медленно подниматься над горизонтом.

Ближе к утру – как только стало ясно, что ночь прошла

– мы решили, что спать по полтора часа бессмысленно. Диего, и я предложили по четыре часа сна в день, чтобы хоть немного подзарядить силы. Когда выспишься – кажется, это уже почти целая жизнь. А в палатке, в то время, свернувшись кутком, мы оказывались в полном одиночестве и тишине, которая вдруг казалась даже приятной.

Тем временем, во внешних планах, командир с наводчиком задумали рискованный маневр. Их план был будто из другой эпохи, словно игра судьбы на краю пропасти. Нужно было разделиться на две группы – одна должна была отправиться на границу в поисках помощи, и не попасться врагу. Вторая – охранять технику, а именно наше артиллерийское орудие, боеприпасы, личное оружие. Весь план был очень хрупким и уязвимым. Весь план – история риска и смелости.

«Ты уверен, что мы всё сделаем правильно? – спросил я у Бугая, когда разогревали последний сухпаек. – Не ошибёмся? Не попадемся врагу?»

Он коротко улыбнулся и ответил: «Всякий раз, когда ты идешь на край, есть риск. Но больше жить страшно – никогда не узнаешь, что тебя ждёт. Главное – верить, что всё получится. И держать ухо востро».

Накануне рассвета, когда команда разделилась, мы остались с Диего – охранять технику, оружие и боеприпасы. Когда наступил вечер, я глядел на загадочную тень, что в сумерках затевалась вокруг нас, и задумывался: а что если на-

ши товарищи не вернутся? А если всё, что мы строили и делали, – мало поможет?

Внутри меня кипела тревога, но я сдерживал её. Мы знали: всё, что осталось – это вера и надежда. И, несмотря на сомнения, мы оставались стойкими – в морозном тумане, в ветре, что почти гнул нам спины, – мы держали свой пост.

Под утро, осознав цену каждого мгновения, я тихо проговорил: «Если наши отделятся – значит, судьба решила так. Будем надеяться, что вернутся живыми, и что всё это – всего лишь сон, после которого мы скоро проснёмся».

Так и прошла эта ночь – в холоде, в ожидании новых испытаний, в надежде, что даже среди тьмы есть свет. И, несмотря ни на что, мы понимали – каждое наше действие, каждая мысль – часть большого, невидимого плана, и что самое ценное – это вера в лучшее.

Когда солнце начало медленно прятаться за плотными облаками, небо окрасилось в тусклые оттенки серого, а воздух стал становиться все холоднее. Температура стремительно падала, превращая даже самые простые движения в мучительные попытки сохранить тепло. Каждая минута без тепла делала задачу охраны и обороны всё более сложной: пальцы онемели, зубы стучали друг о друга, а дыхание превращалось в пар, который исчезал в просветах морозного воздуха. В радиусе двух километров виднелось безжизненное поле: равнина, где было лишь голое пространство, простирающееся до горизонта, без лесных массивов или укромных уголков,

где можно было бы укрыться. Только тонкие, сухие кусты, рядом с нами, служили нам укрытием, но использовать их для маскировки было рискованно – даже одно тепло, заметное в ночи, могло раскрыть наше местоположение. Поэтому, чтобы хоть немного согреться, мы собрали в округе все сухие ветки, что сумели найти – и этого хватило лишь на один раз.

Голод и сильный холод начали давить на нас всё больше. Мы остались без связи со своим подразделением, и знаете, чем больше времени проходило, тем яснее становилось, что поедание даже самой простой, пусть и запрещённой, еды – наш единственный выход. Вице-командующий, Диего, решил рискнуть и отправился к местному жителю, который, судя по всему, был самым заслуживающим доверия в этом укромном селе – маленький садоводческий хуторок, где, по нашим сведениям, где-то недалеко стояли дома, люди хозяйничали и бывали нечасто. Мы запомнили, куда именно он заходил, и знали, куда идти. Я остался охранять технику, а Диего, вооружившись крайней решимостью, пошел договариваться о еде.

Живущие здесь, как и весь этот край – узкая полоска Украины, о которой мало кто знает – держались своих традиций и хозяйства. Весь их запас продуктов – от природы: домашние курицы, дающие яйца и мясо, корова с молоком, да и всё, что растёт на огородах, – это их богатство. А зимой – засоленные помидоры, огурцы, капуста, квашеная и солёная, всё хранится как на долгие часы, так и на случай непредви-

денных ситуаций. В нашем положении риск был очевиден: они могут попытаться нас обмануть, отравить, или, что ещё хуже, взять нас в плен и сдать врагу. Или попытаться зарезать по-тихому, чтобы избавиться. Но, несмотря на все эти опасности, мы решили пойти на риск, ведь голод и холод были сильнее, чем страх.

Через сорок минут, когда Диего вернулся, его лицо светилось важной новостью. Он сказал: «Ждём, мужик сказал жене – скоро всё будет. Готовит омлет, сало, солёные огурцы и свежий лук.» Глаза Диего светились надеждой, а руки – усталостью. Когда мужчина приехал с едой, мы поблагодарили его за усилия, а после он оставил нас наедине с нашим скудным, но теперь – очень ценным – богатством.

А мы начали есть. И в тот момент, пока поглощали горячий омлет и немного соленого сала, в моей голове произошли два осознания, настолько сильных, что они словно прорезали сознание насквозь.

Первое – я впервые за всю жизнь оказался в другой стране, за границей России – хотя и не на отдыхе, и не в комфортных условиях, – я всё равно сейчас нахожусь в Украине. И кушаю настоящее украинское сало, которое засолено именно на Украине, украинским человеком. Это ощущение было каким-то нереальным, словно я попал в невероятную историю, в которой границы стираются, и национальности переплелись в единое целое. Вроде бы – я в чужой земле, но ощущаю тепло и родство, которые проникают в самое сердце. На

непроходимой границе между войной и миром, голодом и насыщением, я чувствовал – внутри меня есть какая-то искра искренней любви к этой земле, культуре, к людям.

А второе – взглядом окружающих жителей. Это были обычные люди, какие и везде – с простыми, добрыми глазами, живущие своей тихой, трудной жизнью, у которых никогда не было причин бояться российских солдат. Однако сейчас – мы в форме, с оружием, которое внушает страх – они видели нас так, будто мы – кто-то очень страшный и ужасный. И знаете, что удивительно? В их поведении был сильный, неожиданный контраст: несмотря на опасность и возможную угрозу, эти люди – даже не ветераны войны, а простые крестьяне – пришли помочь. Вышли за теплом, за жизнью, за тем, чтобы помочь замерзающим и голодным незнакомцам. Их поступок был невероятным проявлением человечности – даже в такой ситуации.

Время шло. И как предполагается, ничего плохого с нами не произошло. Мы пережили этот сложный, опасный момент, и теперь, глядя назад, я понимаю – даже в самой морозной, безнадежной ночи есть место теплу и надежде. Связь с этим уникальным ощущением, что мы – часть великого мира, где доброта может проявиться даже в самой тёмной туче, – я буду беречь как ценнейшее сокровище. И на будущее знаю точно: даже среди разрушений и беспокойства, есть крохотные мгновения, которые меняют всё. Этот вечер, эти запахи, эти чувства – я их буду помнить долгие годы. По-

тому что именно так рождается вера, что мы – всё-таки не одни. Самое важное – было и есть внутри нас. Надежда, тепло, и понимание, что даже в самой строжайшей зимой есть место весне и миру.

Начало темной ночи медленно укутывало окрестности, и с каждым часом температура всё сильнее падала, превращая даже самую простую задачу – хранить бдительность – в настоящую борьбу за выживание. Мы понимали, что дежурить, разделяясь, по одному – это не только опасно, но и безумно рискованно. Одного засыпавшего, к примеру, легко можно было застать врасплох – кто знает, что там может мутить в темноте. А если оба застыли в сне и случится непредвиденное – то вовремя среагировать уже не получится. Поэтому, решив пойти на риск (и он действительно был очень большим), мы придумали неожиданный план: залезть в само орудие.

Ну, а что ещё оставалось делать? В холодном, почти тронутом ветром пространстве укрепленной машины не было ничего, кроме металлических стен и ледяной пустоты. Там было очень холодно – крохотная цитадель из стали, которая превращалась чуть ли не в холодильник. Но именно это «хладо» спасало нас от порывов ветра, рвущегося снаружи и превращающего ночь в нескончаемый морозный ад. Единственный плюс: внутри было, хоть и холодно, но хотя бы без того невыносимого ветра, который бы сразу заморозил всё живое. Мы понимали – каждая минута внутри – это шанс

сохранить здоровье, иначе в скором времени рисковали заработать обморожение конечностей. И думать приходилось не только о холоде, но и о том, чтобы не стать жертвой собственного организма. Замерзшие до черноты руки или ноги, отмороженные до костей – перспектива не для слабонервных. Надеюсь, вы и так понимаете, что тут не до романтики, а буквально до выживания.

Внутри – словно в холодильнике: пахло дизельным топливом, холод проникал в каждую щель, до костей, а стены и пол отдавали онемением. Но, несмотря на всё это, было легче, чем на улице, где ветер буквально рвал одежду и кожу. Вот и решили мы, что лучше держать оборону именно здесь – хоть и холодно, хоть и сыро, но спокойно. Там, в металлическом коконе, у нас был шанс меньше замерзнуть, пусть и с риском заболеть.

На полу, у основания ствола орудия, я расположился на брезентовой подстилке, которую выкопали из запасов. Рядом – мой напарник, Диего, занял свое место у рычагов механика-водителя. Внутри, среди ажурных теней, мы устроились по очереди: кто-то – организованным порядком, кто-то – по привычке или инстинкту. Чертовски важным было сохранить этот порядок – так, чтобы один спит, пока другой бодрствует, и наоборот. Никогда не знаешь, что произойдет в ту минуту, когда оба вдруг налегке отключатся, а опасность уже рядом. Поэтому мы придумали свою тактику: закрываешь глаза, хочешь спать – разбуди другого, чтобы сменить

его. И снова – тихий отдых, о том, как у тебя болит спина, как подморожены концы пальцев, и как во сне появляется странное ощущение: вдруг это всё закончится? А пока – очереди страха и утомления.

Над этим всем нависали голые ветки, словно щит, заслоняющий нас от любопытных глаз. Внутри, в этом «железном холодильнике», было ощущение, что мы спрятаны от всего мира. Но ведь и опасность никуда не исчезала: могли прийти местные, ни разу не знавшие войн и опасности люди, и сожгут нас заживо, по дурости или по недоразумению. Всё – как в какой-то страшной игре на выживание, где риск попасть в лапы врага висел в воздухе, словно тень. Но наши планы были иными – мы просто делали всё, по справедливости, по-человечески, даже несмотря на всю опасность.

Пока мы посменно дежурили, мир не прекращал своих суровых испытаний. Мы залезли внутрь всей этой мертвой, холодной, стальной машины, как в последний прибежище. Готовились к циклу сном: один – спит, другой – бодрствует. В этом восхитительно-ужасном месте – узком, безмолвном, обнятом холодом – мы могли чуть-чуть передохнуть, накопить силы, чтобы продолжать бороться. Время от времени я ловил на себе взгляды Диего, и в них читались не только усталость и тревога, но и стойкое понимание, что только сейчас – в этот момент – у нас есть шанс сохранить себя. В этой железной обители, в морозном аду, я вдруг осознал: вот он, настоящий командирский вызов – сохранить человеческое

тепло в сердце, когда всё вокруг превращается в лед.

И в этом холоде, в этом снежном кошмаре, я понял – мы не одни. В мире есть чуть больше, чем железо и лед, – есть люди, их тепло, которые даже в самые суровые ночи готовы помочь, даже для чужих. И пускай мы – враги или просто незваные гости – оказались в этом месте случайно или по воле судьбы, то именно благодаря этому невозможному контакту: нашему договору, виду глаза и какой-то невидимой, чуть заметной ниточке человечности, – мы все ещё остаёмся частью общего мира.

Так и дрейфовали мы в этой металлической коробке, разделённые только иллюзорными границами, пытаясь удержать внутри себя остатки разума и тепла. Эта ночь – как длинный, безмолвный бой, с холодом и страхами. Но даже в самых темных и морозных испытаниях что-то внутри подсказывает: спасение всё же есть – и оно в нас самих, в нашем умении держать оборону, в нашем желании быть живыми. А ведь именно это и есть самое главное – возможность проснуться утром и понять, что все эти заслоны из холода и страха – лишь временные препятствия. Внутри, в сердце, ещё горит надежда. И эта надежда – самый тёплый огонёк в этой ледяной бездне.

Несколько часов спустя, словно из ниоткуда, мы услышали долгожданный гул движущейся техники – рокот тяжелых машин, звонкий и сжатый, будто вся земля вибрировала под грохот их моторов. Вскоре за густой тьмой ночи вырвался

яркий, резкий блеск фар, который пробил мрак и застыл в воздухе, словно маяк спасения для нас, заблудших в этом холодном аду. Я прислушался к голосам через люк, и его звучание показалось мне невероятно знакомым – чистый русский, без всякого акцента, словно весть со своей собственной земли. В этот момент осенило: наши люди, наши товарищи прибыли. Сердце забилось сильнее, словно кто-то подталкивал меня к одной простой мысли – наконец-то мы не одни.

Я осторожно приблизился к старшему, чтобы услышать подробности, понять, как нас нашли и что дальше. Весь этот сценарий казался почти нереальным – какие-то перекрестки судьбы, случайность или что-то большее. Оказалось, что они случайно наткнулись на нас, когда буксировали сломанную боевую машину с экипажем. Они ехали по памяти, по проторенной дороге, и вдруг их взгляд задержался на наше орудие, когда они заметили его в кустах. Сперва – подумали что в кустах засел враг, желание открыто атаковать: из РПГ или ПТУР рвались бы на нас, не задумываясь. Но, как вдруг, их взгляды зацепила маленький знак «Z».

Я вспомнил, как тогда, в густом мраке, мы шутили между собой: «Z – Зорро, короче! Вестерн из детства, где доблестный герой, облачённый в черное, мстит злодеям – ведь он же, как в старых легендах, борется с несправедливостью». В те разы, смеясь, мы даже не задумывались о том, что это символ, который потихоньку стал частью нашей истории, частью страшной реальности, и вовсе не о смелом герое.

Наши нажали кнопку, и сцепка с тяжелой техникой, встряхивая нас, как в электрошоке, потянула вперед. Адреналин. Внутри было тепло и одновременно холодно, как будто мы попали в гигантский холодильник, где в каждую трещину проникал мороз.

Пока машина катилась по дороге, я тихо засыпал, потому что понимал, что только выспавшись, можно рассчитывать на бодрость, ясность ума и интуицию – именно они сейчас могут спасти нас от новых опасностей в этом ледяном царстве. И только Диего – мой друг и товарищ, – не спал: он в это время внимательно запоминал маршрут, анализировал каждую поворотную точку, каждую чайку из проехавших мимо машин – всё, что могло пригодиться в будущем. Его глаза, хоть и усталые, были более ясными, бодрыми, словно в нем скрыт был механизм, который работал даже тогда, когда спал ты.

Когда, наконец, наше движение приблизилось к границе, и мы начали подъезжать к контрольно-пропускному пункту, меня разбудили. Я почувствовал, как морозный воздух заполняет мои лёгкие, но ощущение от этого было удивительно тёплым, словно сердце подогревало каждую клеточку – будто дома, в родном городе, чувствуешь тепло даже в зимнюю стужу. Вблизи КПП я заметил человека – сотрудника службы безопасности, который что-то быстро записал на бланк, бросил короткий взгляд в нашу сторону. Минутка безмолвия – и вдруг, что ни мгла и ни ночь, – на горизонте

показалась группа наших товарищей по батарее, известных как связисты, управленцы. Их командир тогда оставил их на границе, чтобы встретить, если кто-то не доедет, и тут случилось удивительное – короткое, немного праздничное, даже словно счастливое событие: мы вместе, наконец, как семья, собрались вновь.

«Ах, пацаны!» – вырвалось у меня вслух, когда мы помогли им забраться внутрь машины, и все вместе мы направились в путь по ту сторону границы. Территория казалась не просто незнакомой, а как будто неведомой: мрачной, неспокойной, полной тайн. В дороге разговоры у нас шли непрерывно – обмен историй, эмоциями, мыслями. Каждый рассказывал, что происходило в этот сложный цикл, когда нас не было: о войне, о потерях, о надеждах. А при этом и наши товарищи делились своими наблюдениями и оценками ситуации. И, кажется, со всеми шла легкая нотка иронии.

«Знаешь, – говорил один связист, улыбаясь, – чувствуется, будто мы на параде победы. Всё, что мы видели, – это как триумф победы, как будто вышли и сказали: “Вот пришли, увидели и победили!”» Но никто из нас в глубине души не верил – всё было не так просто. Мир оказался хитрее, коварнее. Противник, кажется, изначально специально подпустил нас – не напрямую, а планомерно увел за собой, чтобы застать врасплох. Движение колоны военной техники трудно было не заметить— это было ярко и масштабно. Мы зашли на определенную глубину территории врага, и тут – словно в

сценарии триллера – связь исчезла. Где-то полностью, где-то частично. Оставшись одни на этом чужом, враждебном пространстве, мы потерялись в лабиринте ночи и безлюдья, не зная, кто – свои, кто – чужие. Только через несколько дней, когда связь восстановилась, мы узнали, что наши товарищи по батарее, все еще в пределах досягаемости, – их долго искали, и никто не знал, живы ли они или нет.

«Ну, – усмехнулся один из командиров, – можно сказать, что мы были будто на параде Победы. Всё было так ярко, так торжественно, казалось, что вот-вот наступит долгожданный мир». Но в реальности все пошло не так – противник, сыграв свою злую роль, позволил нам приблизиться и запутаться, интригуя, словно играя в кошки-мышки. Мы, даже пройдя достаточную глубину, почувствовали, как исчезла вся связь, – словно мы растворились в этой тёмной бездне. Не зная, кто тут враг, а кто – друг, мы оставались в полной неопределённости. В эти дни, когда наши товарищи были отключены, весь штаб, вся батарея, будто исчезли, – ни одного звонка, ни одной новости, – только глухая тишина и неведение. Эта неопределенность стало нашими главными противниками.

Глава II.

Время, как безумный пес без поводка, мчится вперед, не обращая внимания на наши тревоги и надежды. Его ми-

нутные удары – как молоты, разбивающие иллюзии спокойствия. Ночь сменяется рассветами, будто бы природа сама пытается вернуть нам веру в светлое будущее, несмотря на все трагедии и разрушения. Вспышки новостей о гибели товарищей – словно молнии в пасмурное небо. Их лица высечены в памяти, словно мозаика из боли и мужества: глаза, отражающие страх и надежду, улыбки, прячущие слезы под военной маской стойкости. Я знал этих людей – в их голосах звучала искра жизни, а в их поступках – несломленный дух. Каждый из них стал частью моей судьбы – а теперь их нет рядом, и я ощущаю, как сердце сжимается от горечи, словно острый нож. Но именно их самопожертвование наполняет меня неукротимой силой: я не могу подвести их память, ведь цена свободы и безопасности – слишком высока. Мы не просто сражаемся с врагом – мы сражаемся за право жить, дышать свободно, чувствовать надежду, которая переполняет наши сердца.

Мир вокруг нас остается неустойчивым, будто бы гигантский дом из карточек, который вот-вот рухнет. Финансовый кризис, санкции – все это словно молот труда, ломает старое и вызывает волну новых вызовов. Внутри общества бушует шторм: одни требуют перемен, другие цепляются за привычное, и каждый стоит на своем рубеже.

Пока всё это происходило и наши дни или ночи, неважно, переполнялись страхами и надеждами – моя командировка подходила к своему завершению. Время диктовало мне за-

кончить задачу, которую стояла передо мною – восстановить поврежденную в ходе боевых столкновений технику. Это было не просто техническое задание: для меня это стало неким эпическим путешествием, чертой, разделяющей настоящий бой с простым ремонтом. В течение нескольких месяцев я работал ночами напролет, разбирался с каждой ржавчиной, каждым сломанным механизмом, каждым обломком, оставленным в пыли и грязи. Иногда казалось, что мне удастся вернуть к жизни эту боевую машину, сделать её хоть чуть-чуть похожей на ту, что еще недавно гордо накрывала своим грохотом поле битвы.

Месяцы кропотливой работы – и вот настал тот день, когда моя миссия закончилась. Я собрал последние детали, проверил все системы, провёл финальные тесты и почувствовал, что техника обретает былую силу и надёжность. Ощущение завершенности, выполненной задачи – словно я поднял из пепла нечто, что сгорело от пламени войны. В тот момент, стоя перед восстановленным механизмом, я почувствовал, как внутри заполнилось спокойствие, которое так давно отсутствовало. Никаких тревог и сомнений: знаешь, что сделал всё, что мог, – и это главное.

После этого командование приняло решение – вернуть меня домой. Сегодняшний день стал для меня не просто рабочим финалом – он был символом завершения новой главы моей жизни. Картина ясна и трогает сердце: я возвращаюсь в город, в место, где моя служба, моя страна – всё, что

я люблю и защищаю. Ветер в лицо, и ощущение, будто весь мир – это мой долгий путь домой. В мыслях я представлял себе этот город: знакомые улицы, дом, где ждут родные, лица товарищей, которые прошли через огонь и воду. Тот самый город, которому я посвятил себя, в котором каждый камень, каждая улица – часть моей судьбы.

Я не мог избавиться от чувства, что всё, что происходило за эти месяцы в поле и в тылу, навсегда останется со мной. Каждая выздоравливающая машина, каждая битва, каждая минута борьбы – всё это было как своего рода медитация, личный урок и испытание. И вот я еду обратно – словно возвращение к истокам, к тем простым вещам, которые придают смысл нашей жизни. Внутри меня накапливалось ощущение внутренней свободы, которую дают завершённые дела, сознание, что я приложил все усилия для защиты своей Родины.

Путь в город казался мне коротким и в то же время бесконечно длинным. Каждое мгновение я думал о том, что еще предстоит, о людях, которым я доверяю и которых люблю, и о том, что моя работа – это часть более масштабной борьбы, борьбы за будущее и спокойствие. В этом движении, в этом возвращении к простым просторам, я чувствовал некое подобие победы – не победы в бою, а внутренней победы над страхом и сомнениями. И, когда машинальный шум колес и заводские звуки слились с ритмом моего сердца, я понял точно – этот путь домой был не только физическим возвра-

щением, а символом надежды, глубочайшей веры, что все усилия, все пережитое – того стоили.

Май 2022 года стал для меня одним из тех переломных моментов, которые навсегда меняют жизнь. Всё произошло рано утром, в обычное, казалось бы, понедельничное утро. Я, как обычно, шел на построение на плац, где собирались наши солдаты и сержанты. В тот день всё казалось простым и предсказуемым – привычное начало дня, стандартная проверка, слова мотивационной речи, которую нам будто бы прочитывали для порядка, – что важен наш долг, что каждый из нас – часть большой общей цели. Тогда казалось, что нас, личный состав этой сводной гаубичной артиллерийской батареи, к которой нас всем приказом приписали, никуда не отправят. Разве что… разве что ситуация ухудшится, и потребуются буквально все – так говорил штаб. Но никто не верил, что события быстро повернутся так резко.

Однако реальность оказалась ужасающей и очень жестокой. Уже на утреннем построении, когда все собрались, подняв головы в ожидании очередных инструкций, старший офицер с суровым выражением объявил: «Всем личным составу, приписанному к сводной гаубичной батарее, в кратчайшие сроки прибыть к назначенному времени на плац перед штабом для уточнения списков и организации последующей подготовки.» В тот момент сердце начало биться быстрее. Казалось, будто в воздухе повисла тень перемен – что-то огромное, неизведанное и грозное. Очевидно, эта фраза

означала только одно – всё не так просто, как думалось раньше. Нужно было понять, что на самом деле происходит, и подготовиться к тому, что приключится дальше.

Эти слова словно разбудили в каждом из нас смутное предчувствие. Тот самый день, когда всё, что было до этого, исчезло навсегда. Мы заняли места, начали слушать, как старшие офицеры рассказывают о необходимости изучать новое вооружение, технику и тактики. Вскоре стало ясно – это не просто слова, не тренировки, а подготовка к чему-то важному и страшному. Вечер казался тянущимся бесконечно, потому что никто точно не знал, что впереди. Внутри каждого из нас кипели разные чувства: кто-то был полон страха, у кого-то искрились слезы и сомнения, а кто-то, как и я, осознавал – всё меняется. Мы понимали, что начинаем входить в новую реальность, где наша сводная батарея, ранее исторически невыполненная, обретает своё существование.

Для некоторых эта новость стала шоком – они сразу отказались идти в бой, потому что страх вновь вступить в бой и внутренняя неуверенность оказались сильнее. Для других – это был крик души, вызов судьбе. А я, в свою очередь, чувствовал особое напряжение, ведь я понимал: если эта батарея, эта часть наших сил, начинает свое настоящее существование, значит, наше положение не такое безоблачное, как хотелось бы. Это был момент, когда стало ясно – всё, что раньше казалось далекой угрозой или гипотетической возможностью, теперь стало реальностью. И всё зависит от нас

– от каждого, кто стоял здесь, на этом плацу. Я чувствовал, что пришло время проявить всё, что во мне есть, сделать все возможное, чтобы защитить свой дом, свою семью и свою страну. В такие моменты осознаешь, что каждое решение, каждое действие – близкое к жизни или смерти, и ты должен быть готов к тому, что впереди. Ведь сражение в бою приходит не только по географическим линиям, она пробуждает в людях самые сильные чувства: страх, надежду, храбрость и желание бороться. И вот в этот день, в том моменте, я понял – всё меняется навсегда.

Наблюдая за тем, как командование нашей части методично и уверенно организовывало работу, я начал осознавать – дело зашло куда дальше, чем все предполагали. Это было видно по каждому движению, по каждой слову, которое произносили офицеры. И как ни трудно было признать, я понимал: эти события уже не просто этап в рутинной службе, это – начало чего-то по-настоящему огромного, что изменит судьбу каждого из нас. Я ощущал внутри – всё движется к тому, чтобы превзойти все наши ожидания, и я, твердо зная, что не могу и не должен отступить с намеченного пути, сделал шаг вперед, когда назвали мою фамилию. Нас вышло немного – всего каких-то десять или двенадцать человек. Но именно этот небольшой отряд, эти единицы, проявили по-настоящему героическую решимость. Они вышли из строя с гордостью, как будто знали – это их долг, их вызов, и они готовы идти до конца. Столько в них было силы, столько веры

– такие же, как и у меня – не увольняться и не уклоняться, а быть готовыми даже к смерти, чтобы сохранить наш дом и защитить его любой ценой. Этих людей объединяло одно – желание остаться верными своему долгу, своей земле и своим близким.

У каждого из нас – свои причины. И у каждого свои истории, что побуждают остаться и вступить в этот омут с головой. Кто-то шел сюда ради семьи, кто-то руководствовался чувством патриотизма, а у других – были свои побуждения, связанные с материальной поддержкой или долгом. В моем случае всё было гораздо более личным, гораздо глубже. Я отслужил семь лет в армии, прошел через множество испытаний, связанных с оружием, тактикой и моралью. Но внутри меня затаилась весьма важная мысль: как объяснить близким, что сейчас и здесь происходит – и что, вероятно, это изменит все. Внутри меня выросло ощущение, что у меня есть долг сказать это хотя бы себе – и, возможно, кому-то еще. Я понимал: рано или поздно, придется говорить правду, даже если она ранит. Особенно меня тревожил один вопрос – как сказать любимой женщине, что я иду на риск, что я могу больше не вернуться. Как передать ей, что сейчас происходит не просто сражение в бою, а битва за наши жизни? Не было рецепта, как правильно произнести эти слова – слова о том, что я скоро уйду, что есть большая вероятность, что даже больше не увижу родных и близких. Эти мысли мучили меня. Я решил отложить этот разговор – чем меньше знают,

тем лучше, думал я. Меньше их тревог, больше спокойствия в их снах. Но, честно говоря, я вообще не представлял, как подобрать нужные слова, как рассказать о таком, чтобы не потерять их любовь и доверие. Наверное, мы все по-своему ощущаем эту грань между долгом и личными страхами, и у каждого свой рецепт, как объяснить самые трудные вещи. Но я знал одно – это важный разговор, который нужно вести, и он обязательно произойдет. Время покажет. А пока – я просто собирался идти вперед, зная, что любой выбор – это цена и награда одновременно.

Отношения наши были непростыми с самого начала, а после февральских событий все только усложнилось. Тогда, в тот трудный момент, столкновение с реальностью стало настолько острым, что никакие слова не могли нейтрализовать накал страстей. Много ссор и конфликтов вспыхивало по поводу моего выбора – службы, по поводу необходимости идти туда, где я мог рисковать своей жизнью, и о том, что время от времени стоит уходить, оставляя все за спиной. Но, несмотря ни на что, внутри меня всё было твердо – я был непреклонен в своем желании продолжить служить Родине. Для меня эта миссия стала самым важным, что было в моей жизни, что давало мне силы и ощущение смысла, даже если мое решение не находило понимания у близких. Но найти слова, чтобы объяснить, почему я не могу отказаться, было невероятно сложно – ведь каждый разговор превращался в очередной скандал, очередное эмоциональное столкновение.

Со временем она начала догадываться, что я что-то готовлю, что мои планы выходят за рамки обычных разговоров. Я чувствовал, что рано или поздно придется рассказать всю правду. И когда я наконец решился признаться, всё взорвалось: очередная волна гнева, обвинений, оскорблений. В её словах звучали такие тяжелые и болезненные фразы – «тебе оторвёт ноги, и ты останешься один», «ты там сдохнешь», «езжай без меня» – всё это было яростным потоком эмоций, вызванных страхом, болью и, возможно, отчаянием. Такой разговор напоминал нечто большее, чем простое недоразумение – это был настоящий эмоциональный шторм, который можно было назвать одним словом – абьюз. В такие моменты я чувствовал, как трудно идти против мнения близких, не потерять свою силу духа и оставаться верным своему выбору. Я понимал, что это тяжелое решение, принятое мной ради светлого будущего, – ограниченное временем, но очень важное для меня. И несмотря на все интерпретации и эмоции, я шел вперед, укрепляя свою решимость.

Я жил надеждой, что все это временно, что любовь сможет преодолеть любые испытания. Я верил, что рано или поздно она поймет и примет мой выбор, что вместе мы сможем пережить все трудности. Ведь ее отец – такой же воин, участвовал в войне в Чеченской Республике, и его судьба оказалась трагичной – он покончил с собой, когда вернулся домой. Эти обстоятельства добавляли еще больше боли и тревоги, потому что я понимал – страх потерять близкого человека

– это то, что мучает ее сердце. Внутри меня росла вера, что чувство любви и уважения сможет помочь преодолеть все – и что даже в самые темные минуты у нас есть шанс остаться рядом, несмотря ни на что. Но даже с этим пониманием понять и донести свою позицию я не мог; слова казались такими тщетными, когда человек закрыт и не слышит.

Я понимал, что, наверное, у слов нет силы преодолеть ту стену, которую создали страх и боль. В конце концов, кажется, что иногда даже самые важные слова – не более чем пустое эхо в пустоте, если человек не готов слушать. И я ощущал – мое решение идти своей дорогой – это не только моя воля, но и борьба с этим внутренним противостоянием. Внутри меня росла надежда, что этот трудный путь один раз закончится, что моя служба, несмотря ни на что, оправдает себя, и что она, рано или поздно, поймет, что мой выбор – это часть моей ответственности за будущее. Тогда я буду знать, что прошел его достойно, несмотря ни на что – даже если мне придется идти на риск потерять то, что было гораздо дороже, чем любые слова или жесты. В этой битве за судьбу – с собой, с близкими и со своей мечтой – я был готов идти до конца, зная, что именно этот путь определит мою судьбу и, возможно, судьбу тех, кого я люблю.

Пока наша новая сводная гаубичная артиллерийская батарея только начинала становится на ноги, я ощущал, как будто двигался по самому тихому, пусть и немного мутному течению. В первые дни мои обязанности были скорее ру-

тиной, основной массой времени я занимался подготовкой к предстоящим мероприятиям. Эта периодическая деятельность казалась мне чем-то вроде тихого океана, в котором немного штормит, но в целом всё идет по плану. Мое утро начиналось очень спокойно: я приходил на построение, слушал указания и, как только понимал, что задач пока не предвидится, спокойно уходил домой. Там меня ждала семья – мой тихий остров в этом водовороте событий. В эти моменты я ценил каждый проведённый с близкими день, потому что понимал, что впереди – долгие и насыщенные испытания. Время, проведённое дома, позволяло мне набраться сил и восстановить внутренний баланс перед предстоящими переменами. Эти дни казались мелкими, но именно в них я находил ту самую спокойную стабильность, которая помогала мне сохранять достоинство и внутреннюю гармонию.

Спустя примерно неделю, когда командование окончательно разработало и утвердило четкий план действий, начинавшейся подготовки пришло время перейти к реальным делам. Мы получили вооружение, соответствующую экипировку, ящики с боеприпасами и все, что нужно для суровых будней на фронте. Большая часть наших дней теперь была посвящена интенсивному обучению – в ускоренном режиме, максимально приближенному к боевым условиям. Учения шли практически без перерывов, чтобы подготовить нас к возможным трудностям и обеспечить слаженность в действиях. Мы все быстро вливались в коллектив, знакомились

друг с другом в новом, боевом контексте, ведь в таком коллективе, как наш, дружба и взаимное доверие – залог выживания. Наш лагерь располагался недалеко от города – рядом с природой, огражденный от шумной суеты, он стал для нас временной крепостью, местом, где мы учились быстро реагировать, работать под давлением и понимать, что этот расчет орудия – больше, чем просто группа солдат. Мы ощущали себя частью чего-то важного, заслуживающего всей нашей силы и преданности. Каждый день в этом полевом лагере превращался в маленькую битву за боеспособность и подготовку, которая должна была стать нашим щитом и мечом в возможной будущей схватке.

Изначально старшее командование разрабатывало подробный план: мы должны были постоянно находиться на территории лагеря, привыкать к суровому быту и жесткой обстановке, чтобы полностью понять, что такое жизнь без бытовых удобств, без привычных благ и комфорта цивилизации. Нам словно раскатывали перед глазами картину будущих испытаний, заставляли почувствовать на себе всю серьезность предстоящей службы. Но благодаря нашему командиру батареи все изменилось: как только мы завершали ежедневные занятия и отрабатывали важнейшие навыки, нас сразу же отпускали домой к родным, близким, чтобы восстановить силы, напомнить себе, что такое тепло и уют, потому что впереди – новые испытания, еще более жестокие и требующие полной мобилизации всех наших сил. Этот режим

помогал нам заряжаться энергией и сохранять боевой дух. Именно так мы и шли к своей цели – быть готовыми к любому развитию событий, сохраняя в душе поддержку близких и необходимость становится частью чего-то большего.

Когда на территорию лагеря привезли новые артиллерийские орудия – наши боевые товарищи, – я ощутил особенное волнение. Это были не просто железные конструкции, а символы будущего сражения. Орудия, с которых мы будем вести огонь, оказались, по всей видимости, очень давно запертыми на складах, закопченными и запыленными, словно свидетели прошедших лет бездействия. Сделав первый взгляд на эти огромные машины, я вдруг понял – наше дело активизировалось по-настоящему. Можно было начинать изучать их устройство, узнавать каждую деталь, погружаться в тонкости настройки и использования – ведь от знаний, которые мы приобретем сейчас, зависит исход будущих боев. Эти железные монстры внушали уважение: они станут нашим оружием, нашим щитом и мечом. А мы – командиры, и расчет – их сердце и разум.

От того, как хорошо мы разберемся в механике и управлении этим оружием, зависит многое – точность выстрела, его быстрота и эффективность. Я понимал, что именно я, как наводчик, – связующее звено между командованием и механизмами, от меня зависит точность огня. Чем больше я тратил времени на оттачивание своих умений, чем лучше знал каждый механизм, каждый нюанс – тем выше шансы попасть

в цель далеко, с первого раза, и сделать это быстро и точно. Ведь в полную силу работала только слаженная команда: расчет, командир, наводчик – каждый должен знать свое место, четко и точно выполнять постановленные задачи. Быстрая и точная стрельба становилась нашим главным Credo – она могла спасти жизни, она могла переломить ход боя. И тут понимание становилось ясным – враг должен быть уничтожен. Нет других вариантов – нельзя отступить или сдаться, потому что в этом жестоком мире есть только два выбора: победить или умереть. Мы не могли опустить оружие и уйти назад – потому что в бою не бывает третьего шанса, и каждый наш выстрел – последний шанс спасти своих братьев и защитить тех, за кого мы воюем. Эти мысли – груз ответственности – навсегда поселились в моем сердце и не отпустят меня до конца жизни. Потому что, несмотря ни на что, я понимал: лучше я, чем меня – таково бремя моего долга, моего чувства долга и моей судьбы.

В бою, я понял, что первым уничтожить врага – значит обезопасить своих товарищей и самому остаться в живых. Эта идея стала для меня не просто тактичным правилом, а настоящим непреложным законом, по которому я и мои братья по оружию строили всю стратегию. Когда враг видит нашу силу, он может испугаться не только поражения, но и тому, насколько мы готовы ему противостоять. Пусть он сидит в своих окопах, прячется и торопливо обдумывает следующий шаг, – мы же знаем: чем быстрее и точнее мы поразим

цель, тем меньше шансов у него нанести удар по нам. И чем больше целей мы уничтожим сегодня, тем больше шансов сохранить наши жизни завтра. В этом и заключалась наша уверенность – в нашей скорости, точности и в незамедлительности действий. Ведь если мы промедлим, если не уничтожим врага вовремя, – он начнет наступление, разрушая наш фронт, и тогда уже не будет спасения. Каждое наше движение должно быть сжато, смычно, без ошибок – только так можно выиграть этот жестокий бой.

Все наши усилия сливались в единый поток – одно движение, один выстрел, одна тактическая задача за другой. Мы работали в режиме непрерывного тренинга, постоянного совершенствования. Утро начиналось с занятий, продолжалось днем и заканчивалось вечером – и так изо дня в день. Каждый миг был посвящен развитию точности и скорости. Над техникой работали без устали: наводка, корректировка, проверка, повтор – все повторялось снова и снова. Специальные тактические упражнения, командные построения, оттачивание реакции – всё это становилось внутренней частью нашей боевой подготовки. Когда одна задача завершалась, мы тут же приступали к следующей. Множество раз за день мы повторяли одни и те же движения, доводя их до автоматизма, чтобы в реальной боевой ситуации не было места ошибкам.

Мои утренние ритуалы были просты и скромны, но очень важны для моего настроения и состояния. В 6 утра я просы-

пался, пока моя женщина еще спала. Тихо, чтобы не разбудить ее, аккуратно одевался и добросовестно старался выйти из дома так же тихо, как вошел. Моя дорога в полк – священная часть дня. Там меня ждала машина с такими же, как и я, ребятами – каждый из нас использовал возможность увидеть родных, услышать слова поддержки. Перед выездом в лагерь мы заезжали в магазин – покупали сигареты, воду, что-то вкусное на завтрак, чтобы чуть-чуть отвлечься от суровой рутины.

Прибыв в лагерь, начиналась настоящая битва за усвоение знаний. Мы готовились к урокам и занятиям, каждый день усердно учились новым приемам, отрабатывали навыки, повышая свою выучку. После церемонии построения мы разбредались по полю боя, где погружались в тренировочные сборы: точность, быстрота, выучка становились нашим оружием. Оттачивали каждую деталь – исправляли ошибки, тренировались по несколько раз, пока не достигали совершенства. В обеденный перерыв мы собирались в столовой – там, между кусками еды, делились впечатлениями, обсуждали успехи и неудачи. Потом – полуторачасовой сон, чтобы набраться сил для новых свершений.

После обеда снова – занятия, тренировки, стрельбы, маневры. Обновляли экипировку, приводили мысли в порядок, занимались личным уходом – душ, переодевание – и снова за работу. Вечером, иногда поздно, мы возвращались домой. Дом – это был не просто место отдыха, а продолжение целого

дня борьбы и самосовершенствования. Там я был – как и все – с семьей, с близкими. Время было коротким, всего около восьми часов вечера, чтобы вернуть силы и подготовиться к новому дню.

За эти полтора месяца я узнал много нового. Мы учились понимать технику, оттачивали боевые навыки, учились работать как единое целое. Мы неустанно поглощали знания, словно губки, впитывая каждое слово, каждое движение. И это было важно не только для нас, но и для наших близких, ради которых все это затевалось. И я понял одно: успех исключает ошибку. Только через тяжелую работу, постоянное повторение и неуклонное стремление к совершенству можно стать по-настоящему сильным. В этом был наш смысл – превзойти врага, стать быстрее, точнее и без промахов, чтобы никто из наших товарищей не попал под удар. Потому что в этом жестоком мире, где решаются судьбы, важно не упустить шанса, не дать врагу ни малейшего преимущества. И я твердо верю – столько труда, столько усилий стоит того, чтобы однажды взглянуть врагу в глаза и сказать: «Ты проиграл. Мы победили».

Прошли недели, а в душе моей всё продолжала играть безумная симфония тревоги и непонимания. Моя женщина так и не смогла принять тяжелый выбор, который я сделал. Я понимал, что уехать – значит оставить всё позади, оставить её и нашу жизнь в прошлом, и с каждым днем это осознание только усиливалось. Мы перестали говорить друг с дру-

гом, слова становились всё короче, тон – всё острее. Время, которое должно было соединить нас, превращалось в ледяную преграду – и чем больше я пытался сделать так, чтобы было теплее и уютнее, тем скорее всё расползалось по краям. Каждая наша попытка провести хоть немного времени вместе заканчивалась ссорой. Хочу спокойно всё обсудить – и тут же начиналась ссора. Постараться создать атмосферу уюта, чтобы наши последние дни перед отъездом запомнились чем-то хорошим, становилось всё сложнее. Искренне хотел, чтобы она поняла, что мои решения – это не каприз или предательство, а необходимость. Но она отвергала мои слова, словно закрывалась в каком-то своём мире, где моё объяснение не находило отклика. Весь этот внутренний конфликт, душевный кризис, бедовал своей тяжестью. Я начал чувствовать, как постепенно опускаюсь ниже и ниже, как будто на грани пропасти – и каждый шаг туда, в этот бездну, казался единственным выходом. Передо мной был сложный выбор: остаться и терпеть всё это – или сделать последний, отчаянный шаг, чтобы оставить всё ненастоящее и уйти. Я так не хотел быть снова один – ведь еще недавно мы мечтали о совместном будущем, о тепле и взаимопонимании. Внутри меня боролись два чувства – надежда и отчаяние. Очень жаль, что она так и не смогла понять, ради чего я пошел на жертву, что для меня значил этот риск, эта дорога, которую я выбрал, чтобы обеспечить нам шанс на лучшее будущее. Я хотел, чтобы она почувствовала, насколько мне важно её по-

нимание, поддержку, ведь именно их я так сильно нуждался в эти трудные дни. Но, похоже, это всё было напрасно. Тогда я решил сделать шаг, который разделил бы наши жизни окончательно, шаг, о котором думал с ужасом. За несколько дней до моего отправления я заявил: хватит, пора прощаться. Все наши ссоры, недопонимания, отсутствие поддержки – всё это сводило меня с ума. Мне казалось, что внутри меня всё рушится, словно мой внутренний мир – карточный домик – вот-вот рухнет под натиском эмоций. Я не мог показывать, насколько мне тяжело – нужно было оставаться сильным. Слабость в таких ситуациях – как получить нокаут в бойце на ринге: хуже некуда. Я понимал: показав свою слабость, смогу потерять всё, что у меня есть. И вот, в один из тяжелейших дней, когда я был уже на грани отчаяния, мы снова разговорились о расставании. И вдруг она, словно почувствовав окончательность моего решения, проявила удивительную твердость. Она сказала, что понимает мой путь и готова быть рядом несмотря ни на что. Обещала бороться за наше будущее, за нас двоих, за возможность вернуться к счастью. Этот последний порыв давал мне и ей шанс – шанс всё-таки сохранить наши чувства, дать друг другу еще немного времени. Но мне было больно: мне казалось, что поздно. Всё наше прошлое было наполнено ссорами и обидами – горечь и боль переплетались в каждом нашем разговоре. Если бы она подумала чуть раньше, были бы и другие дни – не наполненные скандалами, а теплом, любовью, заботой. Мы могли

бы оставить в памяти не только ссоры, но и радостные моменты, улыбки, маленькие такие счастливые мгновения. И все это помогло бы сохранить нас и сделать наши отношения крепче. А впереди – самое сложное испытание. Неопределённое, тяжёлое испытание, которое затянет наши разлуки и поставит на испытание каждую каплю терпения. Всё, что я сейчас ощущал, – это глыба тяжелого груза, который нужно нести, даже не зная, что принесет завтрашний день. В этот последний вечер дома, поздно ночью, я оделся, собрал свои вещи. Многое пришлось оставить: воспоминания, мечты, надежды. Всё ушло в чемодан – напополам с грузом тоски и тревоги. Я вышел из дома в темную ночь, направляясь к лагерю, где меня ждала дорога в зону проведения специальной военной операции. Передо мной лежало длинное и тяжелое приключение – оно останется в моем сердце навсегда. Впереди было многое: испытания, опасности, неизвестность. Но я знал одно – этот путь изменит меня навсегда, и именно он определит мою судьбу, судьбу моей семьи и моих близких. Эта ночь стала отправной точкой новой главы моей жизни, самой суровой и важной. И я принял ее, осознавая, что следующий шаг – это только начало долгого пути, который навсегда останется частью моей памяти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.